
С. А. СЕМЯЧКО

**Повесть «Троесложное умиление»:
источники текста и особенности бытования¹**

Повесть «Троесложное умиление» (полное название: «Поучение о еже сия есть повѣсть Троесложное умиление, отсѣкаетъ всякое превозношение и гордость челоуѣческую и прелагаетъ душу во источникъ слезъ, аще о семь поучишися часто, о челоуѣче, велми бо на ползу и сладость и умиление души приносит сей повѣсти поучатися, о исходѣ душа своя» (л. 70)²) относится к числу наиболее частотных в составе древнерусских рукописных сборников. Она встречается в составе самых разнообразных кодексов, в том числе и в сборниках устойчивого и относительно устойчивого состава, таких как «Цветник священноинкока Дорофея», «Крины сельные» и «Старчество» в варианте келаря Кирилло-Белозерского монастыря Матфея Никифорова. Если рассматривать все статьи вышеназванных сборников, повесть «Троесложное умиление», скорее всего, окажется текстом, наиболее часто встречающимся в рукописной традиции.³ Общее число списков этих сборников достигает ста пятидесяти, и ни в одном из них повесть «Троесложное умиление» не пропущена, а в составе «Цветника священноинкока Дорофея» в последней четверти XVIII в. издавалась 11 раз.⁴ Огромное количество списков повести, никем не подсчитанное, дошло до нас в составе поздних

---

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского гранта РГНФ (РФФИ) № 17-04-00050.

² Повесть цитируется в статье по изданию: Цветник священноинкока Дорофея: Рукопись конца семнадцатого века. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2008, — выполненному по рукописи конца XVII—начала XVIII в. РГБ, ф. 722 (собр. Единичных поступлений), № 247. Листы указываются в скобках после цитаты. Текст изданной рукописи передается по правилам ТОДРЛ, выработанным по отношению к рукописным текстам.

³ В случае со сборником «Старчество» мы, пожалуй, можем говорить, что это самый частотный текст не только варианта Матфея Никифорова, но и сборника в целом, во всей совокупности его вариантов. Наиболее подробно варианты сборника «Старчество» рассмотрены в работе: Семячко С. А. Письменная традиция древнерусского старчества: Текстологическое, источниковедческое и историко-литературное исследование: Дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2016. Т. 1. С. 154—478. Описание состава сборника в варианте Матфея Никифорова см. также: Семячко С. А. Сборник «Старчество» в Кирилло-Белозерском монастыре // Книжные центры Древней Руси : Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 244—268.

⁴ Об изданиях «Цветника священноинкока Дорофея» см.: Вознесенский А. В. Старообрядческие издания XVIII—начала XIX века : Введение в изучение. СПб., 1996. С. 148—151.

старобрядческих сборников, в большинстве своем вторичных по отношению к изданиям «Цветника».

Как показало предшествующее исследование,⁵ возник этот текст в рамках не дошедшего до нас сборника, который был условно назван мною «Крины сельные священноинока Дорофея». На основе этого первоначального сборника сформировались два сборника: «Крины сельные» (скорее всего, уже ушедший из-под контроля священноинока Дорофея) и «Цветник священноинока Дорофея». Оба этих сборника включили в свой состав повесть «Троесложное умиление». В составе части сборника «Крины сельные» повесть переместилась в «Старчество» Матфея Никифорова.⁶ Эта история началась еще до никоновской реформы. Хотя ранние списки известных сейчас сборников датируются 60-ми гг. XVII в., создание не дошедшего до нас первоначального сборника по косвенным данным можно датировать 30-ми гг. этого столетия. К этому времени, судя по всему, следует отнести и возникновение повести «Троесложное умиление», так как она читается и в «Кринах сельных», и в «Цветнике священноинока Дорофея» и соответственно находилась в первоначальном сборнике. Поскольку текстологическое исследование приводит к заключению о том, что священноинок Дорофей был создателем не только «Цветника», но и первоначального сборника «Крины сельные...», можно допустить и его авторство по отношению к повести «Троесложное умиление». Во всяком случае пока нет никаких следов существования повести до названных сборников.

Каждый сборник приобрел свою сферу распространения. «Крины сельные», по сути своей сборник барочный, распространялся почти исключительно в среде приверженцев официальной Церкви. Более века спустя после своего создания он попал в распоряжение Паисия Величковского, которым был переложен на современный ему язык, а потом учениками Паисия издан.⁷ И с тех пор пошла легенда о Паисии Величковском как создателе «Кринов сельных», каковым он не был, как не был и автором повести «Троесложное умиление».

Что касается «Старчества», то этот сборник был в равной степени принят как сторонниками реформы патриарха Никона, так и приверженцами старой веры. Вариант Матфея Никифорова — один из самых богатых по своему содержанию. Сформировавшись в стенах Кирилло-Белозерского монастыря, он легко приспособлялся и к нуждам других обителей, и находил себе применение среди старообрядцев. А «Цветник священноинока Дорофея», возникнув отнюдь не в старообрядческой среде,⁸ «ушел» к предста-

⁵ Результаты этого исследования отражены в докторской диссертации: *Семячко С. А.* Письменная традиция древнерусского старчества. Т. 1. С. 479—591.

⁶ Сテム, наглядно представляющую историю текста сборников, см.: Там же. С. 572.

⁷ Крины сельные, или Цветы прекрасные, собранные вкратце от Божественного Писания: О заповедях Божиих и о святых добродетелях / Архимандрита Паисия Величковского. Одесса, 1910.

⁸ Исследователи неоднократно отмечали этот факт, указывая на фрагмент главы 54, в котором речь идет о необходимости патриаршего благословения при создании монастыря. См. об этом: *Леонид*, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. А. Уварова. М., 1893. Ч. 1. С. 516; *Вознесенский А. В.* Старообрядческие издания XVIII—начала XIX века. С. 148.

вителям старой веры, чему в немалой степени способствовали те самые 11 старообрядческих изданий.

Поэтому совершенно неудивительно, что чаще всего в поздних старообрядческих сборниках повесть «Троесложное умиление» сопровождается пометой «Цветник священноинока Дорофея. Глава 17». Однако в «Цветнике» 65 глав, и некоторые из них время от времени выписывались из «Цветника» в другие сборники, но количество их копий абсолютно несравнимо с числом списков «Троесложного умиления». Все это актуализирует вопрос о причинах такой популярности повести.

Простой ответ на этот вопрос сводится к рассуждениям о теме произведения. Действительно, все, что так или иначе касалось проблемы «о исходѣ души своея», не могло не интересовать человека. Тема собственной смерти, как правило, связывается с темой «последних времен», с темой конца света, когда «страшный престоль Господень готовится и Судия праведный приближается» (л. 70—70 об.). Уже стали общим местом рассуждения о том, сколь сильны были апокалиптические настроения среди староверов, но свети ответ на вопрос о популярности «Троесложного умиления» к востребованности у старообрядцев текстов с апокалиптической тематикой, было бы, на мой взгляд, серьезным упрощением.

Другое объяснение популярности повести заключается в яркости, живописности, эмоциональной насыщенности ее текста. Ужасающие картины конца света и загробного суда, красочное описание райского блаженства и адских мучений были рассчитаны не столько на рациональное, сколько на эмоциональное восприятие. «О человекѣ, судь при дверехъ есть, чай отвѣта грознаго. Рѣка огненная, колеблющися, реветь тресканием лютымъ и искрами зѣльными. Муки страшныя вопиють и стонуть, ожидаютъ грѣшниковъ мучитися» (л. 70 об.). Впечатление усиливают постоянные восклицания «Оле, оле! Увы, Увы!», «Ох!». «Охъ, увы! О человекѣ, путь сей кратокъ, имже течемъ; дымъ есть житие вѣка сего, пара, персть и пепель, и прахъ. Яко дымъ на воздухе разходить и исчезаетъ, и яко цвѣтъ травный с травы скоро отпадаетъ и извянетъ, и яко конь скоро бѣжить, и яко вода наборзѣ течетъ, и яко мракъ подъемлетъ от земли, и яко роса утреняя осыхаетъ, или яко птица прелетитъ, тако минуетъ житие вѣка сего. Или якоже вѣтръ пройдетъ мимо, тако мимо идетъ и преливается время и дние живота нашего» (л. 71 об.—72). Однако объяснение популярности повести красочностью и эмоциональной насыщенностью ее текста — это тоже простое объяснение. Более сложное, но и более актуальное, на мой взгляд, объяснение столь широкого распространения повести «Троесложное умиление» напрямую связано с вопросом об источниках ее текста.

Вернемся к только что процитированному фрагменту о краткости земного пути, который сравнивается с дымом, паром, перстью и пеплом. Аналогичное чтение мы находим в седьмой главе Устава Нила Сорского: «Путь бо сей кратокъ есть, имже течем. Дымъ есть житие се, пара, персть, пепель, вѣмалѣ является и въскорѣ погыбает...».⁹ То же самое читаем и в Духовной грамоте игумена Иосифо-Волоколамского монастыря Евфимия

⁹ *Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения* / Изд. подгот. Г. М. Прохоров. СПб., 2005. С. 168.

Туркова.¹⁰ И если Евфимий имел своим источником сочинение Нила Сорского (количество соответствий между текстами двух авторов достаточно велико, практически все они отмечены публикатором и комментатором Духовной Л. А. Ольшевской¹¹), то преподобный Нил и автор повести «Трое-сложное умиление» цитировали Чин погребения, в данном случае — входящие в его состав стихиры Иоанна Дамаскина: «Путь кратокъ есть, имже течемъ. Дымъ есть житие^а, пара, перьсть и пепель^б, в малъ являемъ и въскоръ погыбаемъ».¹²

Отмеченная фраза не единственное заимствование в повесть «Трое-сложное умиление» из Чина погребения. Приведу еще ряд примеров.

«Трое-сложное умиление»	Чин погребения
<p>Оле, оле! Увы, увы! Коликъ подвигъ имать душа, разлучающися от тѣлеси. Оле, оле! Колико слезить, ко аггеломъ очи возводить, к человѣкомъ руцѣ простираеть и умилно молитя, но не имать помогающаго (л. 71 об.).</p>	<p>Увы мнѣ! Коликъ подвигъ имать душа, разлучающися от телесе. Увы! Тогда колико слезить. И нѣсть иже помилуетъ ю. Къ аггеломъ очи възводящи, бездѣлно молитя, къ человѣкомъ руцѣ простирающаго (<i>sic!</i>), и не имать помогающаго.</p>
<p>Тѣмже, братия моя, разумѣвше краткую нашу жизнь и суету вѣка, попечемся о часѣ ономъ смертномъ (л. 73).</p>	<p>Тѣмже, возлюбленнаа моя братия, разумѣвше краткую нашу жизнь, преставленному покоя от Христа просимъ и душамъ нашимъ велию милость (Стихиры Иоанна Дамаскина).¹³</p>
<p>Оле, оле! Увы, увы! Зряще же во гробѣхъ персть лежашу, и речемъ в себѣ: Кто есть царь или нищій? Знаемъ ли, кто есть владыка или рабъ, или свободный, кто есть славный или неславный, кто есть премудръ или неразумень? Гдѣ красота и наслаждение мира сего? Гдѣ храбрость и премудрость вѣка сего? Гдѣ маловременныхъ мечтание и прелести мира сего? Гдѣ богатство тлѣнное и сует-</p>	<p>...И видѣхъ кости обнажены, и рѣхъ убо: кто есть царь, или нищъ, или праведникъ, или грѣшникъ? (Покоин 5-го гласа).¹⁴</p> <p>Гдѣ есть мирское пристрастие? Гдѣ есть маловременныхъ мечтание? Гдѣ есть злато и серебро? Гдѣ есть рабъ множество и мятежь? Вся пепель, вся перьсть, вся сѣнь... (Покоин 4-го гласа).¹⁵</p>

¹⁰ Духовная грамота и исповедь Евфимия Туркова / Подгот. текста, пер. и коммент. Л. А. Ольшевской // БЛДР. СПб., 2005. Т. 13. С. 698.

¹¹ См. комментарий Л. А. Ольшевской: Там же. С. 842—843.

¹² РГБ, ф. 304. I (Главное собр. Троице-Сергиевой лавры), № 224, л. 277 об.—278 (Служебник и Требник, 1474 г.), разночтения по Служебнику XVI в. РГБ, ф. 304. I (Главное собр. Троице-Сергиевой лавры), № 233, л. 119: ^а *доб. се*; ^б *прахъ*. Эти стихиры входят и в Чин погребения иноков, и в Чин погребения мирян. Основываясь на Требнике ТСЛ 233, А. В. Шунков рассмотрел их влияние на одно из стихотворений Г. Р. Державина (см.: Шунков А. В. «Чин погребения мирских человек» (XVI в.) и его традиция в поэтическом творчестве Г. Р. Державина // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2014. № 2 (28). С. 151—159).

¹³ ТСЛ 224, л. 276. Я никоим образом не касаюсь истории текста Чина погребения, производящего, на первый взгляд, впечатление достаточно устойчивого. Приведу стихиры Иоанна Дамаскина по рукописи 1474 г., другие песнопения Чина цитирую по изданию Иноческого требника 1639 г.

¹⁴ Требник иноческий. М., 1639. Л. 196 об.

¹⁵ Там же, л. 195.

<p>ное? Гдѣ сребренное и златное украшение? Гдѣ рабѣ множество предстоящих? Гдѣ вся попечения суетнаго вѣка сего? Но ничтоже, но нигдѣже, но нищие и убогии от всѣхъ купно (л. 72 об.—73).</p>	
<p>Вся яже в мирѣ семь сладостная и прекрасная, и преславная, но яко стѣнь непостоянная, тако мимо переходять, и яко во снѣ на семь свѣте пребываемъ. Нынѣ убо бывый прежде мало с нами, утрѣ же отходит, днесъ с нами — утрѣ же гробу предается. Оле, оле! Увы, увы! Воистину всуе мятеться всякъ земнородный, вси бо исчезнемъ, вси умремъ: царие же и князи, судия и силнии, богатии и нищии, и все естество человѣческое. Днесъ с нами ликуя, веселяся и красуяся — утре же по немъ плачемъ и сѣтуемъ, и рыдаемъ, и во гробъ полагаемъ... (л. 72).</p>	<p>Воистину суета и тля вся яже в мирѣ сладостная и преславная, вси бо исчезнемъ, вси бо умремъ; цари же и князи, судия и силнии, богатии и нищии, и всяко естество человѣческое. Нынѣ убо бывый прежде мало с нами гробу предается. Воистинну суета все человѣчество (Стихира 2-го гласа).¹⁶</p>

К Чину погребения обращают читателя и слова «яко земля еси, и от земли питаешься, и в землю паки поидеши» (л. 71), которые, безусловно, связаны с икосом заупокойного канона: «Сам Един еси Безсмертный, сотворивый и создавый человека: земнии убо и от земли создахомся, и в землю туюжде поидем, якоже повелел еси Создавый мя и рекий ми: яко земля еси и в землю отъидеши...», и с одним из покойнов 5-го гласа: «Ты, создавъ мя, Господи, и положивъ на мнѣ руку Твою, и заповѣдавъ ми, рече: яко земля еси и в землю паки поидеши».¹⁷

Все заимствования из Чина погребения обработаны автором и органично вплетены в ткань повествования. И хотя они никак специально не отмечены, они легко узнаваемы.

В повести «Троесложное умиление» нет маркированных цитат даже в тех случаях, когда речь идет о заимствовании текста из Священного Писания, по преимуществу из Нового Завета. Как правило, новозаветный текст естественным образом продолжает текст автора повести. Однако нужно отметить неслучайность этих новозаветных заимствований. Во фразе «Троесложного умиления» «трудящимся и терпящим скорби Царствие Небесное отверзается и покой безконечный предлежитъ, и радость неизглаголанная устрается, *ихже око не видѣтъ, и ухо не слыша, и на серице чловѣку не възиде, яже уготова Богъ любящим Его*» выделенные курсивом слова взяты из Первого послания апостола Павла Коринфянам (1 Кор. 2: 9). Но эти же слова в аналогичном контексте фигурируют и в Чине погребения: в 3-й стихире кир Феофана.¹⁸ Точно так же слова «Троесложного умиления» «нази бо родихомся и паки нази отходим» (л. 73) отсылают к Евангелию от Иоанна «Наг изыдох от чрева материя моя, наг и отъиду тамо» (Иоан. 1: 2), но эти

¹⁶ Там же, л. 204.

¹⁷ Там же, л. 196 об.

¹⁸ См.: Там же, л. 191 об.

евангельские слова неоднократно возникают и в Чине погребения. И не только в нем.

Д. М. Буланин рассмотрел ряд текстов, имеющих корни в античной поэзии, претерпевших множество трансформаций и с начала XV в. представленных в славянской книжности, а позднее и в фольклоре.¹⁹ Это два комплекса, из двух текстов каждый, которые исследователь называет «элегическими диптихами».

В первом тексте первого «диптиха» («О(т) корени. Глас 6») мы находим источник того определения, которое дается в «Троесложном умилении» телу умершего: «безобразна и безъ славы, и безъ украшения, и како надымаеть его, таже и смрадь испушаетъ золь, плоть изъгнивша и истлѣвша, и червия поядоша». И в этом же тексте мы найдем объяснение странному восклицанию «Троесложного умиления»: «Увы-увы, десятерица сугубая и премудрѣ сотвореная!».

О(т) корени. Глас 6	«Троесложное умиление»	Покоинь. Глас 8
<p>Множество челоѡческое, все на землю пришедшее, общее естество плачимъ, еже злочастнѣ обогащаемся. О, како честнѣйшее Божиихъ созданий еже по подобию Его, увы, и <u>по образу безъ дыханія зрится и мертво, увы-увы, и мерзко, полно червий нечистыхъ, испушаа отъ дыханія смрадна</u>. Како, како исчезе мудрование? Како съкрыся слово? Како разставися сугубое? Како, утаисъ въскорѣ, тричастное погыбе, четвертое разтлѣ, пятое безъ дыханія и мертво? Увы, страсти, увы! <u>Сугубаа десятерица</u> погыбе,²⁰ и по седмѣй осмаа же будущаго въображаетъ растворение, землѣ убо наше смѣшение, землѣ и сего крываетъ паки и паки землѣ въстание. Увы мнѣ, страсти, увы мнѣ!²¹</p>	<p>О братія, и видимъ тамо умершаго лежаща, <u>безъобразна и безъ славы, и безъ украшения, и како надымаеть его, таже и смрадь испушаетъ золь, плоть изъгнивша и истлѣвша, и червия поядоша</u>, и кости обнажаются, и весь разсыпая. Оле, оле, увы, увы, ужасное видѣние! Увы, увы, <u>десятерица сугубая</u> и премудрѣ сотвореная (л. 72—72 об.).</p>	<p>Плачуся и рыдаю, егда помышляю смерть и вижду во гробѣхъ лежащую, еже <u>по образу Божию созданную нашу красоту, безъобразну и безславну</u>, не имущу видѣнія, ни доброты...²²</p>

Во втором тексте этого диптиха, в славянской традиции, как правило, надписываемого именем Василия Великого, мы найдем если не источники, то параллели уже упоминавшимся чтением повести, и в частности: «Нагъ

¹⁹ Буланин Д. М. О первоисточниках некоторых стихов покаянных // Каталог памятников древнерусской письменности XI—XIV вв. (рукописные книги). СПб., 2014. С. 596—625. Ранее вопрос о происхождении и бытовании этих текстов рассматривал Г. М. Прохоров (*Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков*. Л., 1987. С. 123—150), с которым Д. М. Буланин расходится в вопросе о происхождении этих памятников.

²⁰ Толкование этого «нумерологического» фрагмента см.: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. С. 136—145.

²¹ РГБ, ф. 304. I (Главное собр. Троице-Сергиевой лавры), № 758, л. 196—196 об.

²² Трбник иноческий. Л. 200.

изыдох на плачь сый младенецъ сый, нагъ отъиду пакы»: **«Великаго Василиа. Нагъ изыдох на плачь сый младенецъ сый, нагъ отъиду пакы.** Отнуду же что тружауся и съмуцауся всуе, нагъ вѣдаа конецъ житиа? Дивьство, како шествуемъ вси равнымъ образомъ от тьмы на свѣт, от свѣта же въ тму; от чрѣва матернѣ съ плачемъ въ мирь, от мира же печалнаго съ плачемъ въ гробъ. Зачало и конецъ — плач. Каа потрѣба посрѣднимъ? Сьнь, сѣнь, мѣчтанье, красота житейскаа... Увы-увы краснымъ многосплетеннаго житиа! Яко цвѣтъ, яко прахъ, яко стѣнь прѣходить».²³

Еще одна фраза «Троесложного умиления» обнаруживает свой источник во втором «элегическом диптихе», причем в том его виде, который зафиксирован в поздних севернорусских рукописях, где части диптиха оказались переставленными. Повесть «Троесложное умиление» указывает нам верхнюю границу этой перестановки, поскольку на данный момент она является наиболее ранним текстом, зафиксировавшим перестановку: Повесть примерно на век старше того материала, что приведен Д. М. Буланиным.

«Троесложное умиление»	«Святаго Нила»
<p>Оле, оле! Увы, увы! Воистину всуе мятется всякъ земнородный. Зря ты, гробе, и ужасаюся твоего видѣния, О, зря ты, и трепещу и сердечно каплющая слезы проливаю. Оле, смерть лютая и немилосердая! Кто можетъ избѣжати тя? (л. 73).</p>	<p>Аще небеса, о человеце, и облаки достигнеши, аще и земныя проидеши конца и вся места, аще и еленьска борзости претечеши, смертнаго часа никако же можеши избежати. Что всуе мятешися о мимотекущих? Зрю²⁴ те, гробе, и ужасаюся твоего видения, и сердечно каплюща слезу, проливающую, долгъ общедателный во ум приемли, како убо преиду конец, увы, таковой? Ей-ей, о горе, о горе, ох-ох! Смерть, кто может избежати тя? Оле чудо, чаша та всем страшна суть.²⁵</p>

Эти «элегические диптихи» чрезвычайно интересны. Я не буду подробно останавливаться на их истории, отмечу только, что в ранних своих списках они нередко оказываются под одним переплетом с Чином погребения

²³ ТСЛ 758, л. 196 об.

²⁴ Инок Ефросин, в сборнике которого этот текст, несколько иначе скомпонованный, атрибутирован патриарху Герману, использует ту же форму «зря», что и автор «Троесложного умиления»: РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099, л. 262 об. Ефросин не единожды обращался к этим текстам: в сборник КБ 22/1099, л. 262 об. он включил один диптих, в сборник ГИМ, собр. Уварова, № 894-40, л. 219—219 об. — два (см.: Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 65, 229). В обоих сборниках «диптихи» переписаны рукой Ефросина (см.: Шибаев М. А. Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века : Историко-кодициологическое исследование. М.; СПб., 2013. С. 231, 235).

²⁵ Буланин Д. М. О первоисточниках некоторых стихов покаянных. С. 613. В рукописной традиции этот текст атрибутировался различным авторам, при этом наблюдалась некоторая вариативность в части его состава и композиции, о чем подробно говорит Д. М. Буланин. Повесть «Троесложное умиление» в большей степени соответствует варианту, опубликованному исследователем по рукописи БАН, 21.9.33, л. 225—225 об.

или отдельными текстами из этого Чина.²⁶ Один такой «диптих» сопровождает Духовную грамоту митрополита Киприана, помещенную в ряде русских летописей под 1406 г. после сообщения о кончине митрополита.²⁷ Можно высказать предположение, что на каком-то этапе своей истории, еще на греческой почве, эти «диптихи» входили в Чин погребения в качестве покойнов, с чем и связано указание на глас при одном из этих текстов²⁸ (т. е., возможно, исторически это покоин 6-го гласа). Между прочим, его текст значительно проясняется при сопоставлении (см. выше в таблице) с покойном 8-го гласа, с которым он имеет некоторые совпадения. Но это указание на глас можно попытаться связать не с традицией покойнов (заупокойных тропарей), а с традицией покаяльнов (покаянных тропарей). В этом случае легче объяснить превращение покаянного тропаря в покаянный стих,²⁹ переход из литургической поэзии в нелитургическую.³⁰

Читатель «Троесложного умиления» мог никогда не читать этих текстов, но вряд ли он никогда не слышал покаянного стиха «Зрю тя, гробе...».³¹ Не мог не знать он и Чина погребения. Причем и в этом случае он, скорее, воспринимал его на слух, присутствуя при отпевании покойников. К письменному тексту Чина он мог обращаться, лишь будучи священнослужителем или церковнослужителем. В любом случае вне зависимости от того, каким образом познакомился читатель повести с текстами-источниками, они ему были известны. Автор «Троесложного умиления» мог смело рассчитывать на узнавание текста, не маркируя его при этом как цитату.

Однако не могу не отметить, что есть случаи, когда литературная работа автора повести оставалась для читателя не очевидной. Так, слова священноинока Дорофея «помяни дни вѣчныя и лѣта рода родовъ» (л. 71) коррелируют с читающимся на Великом повечерии 101-м псалмом: «Ты же, Господи, вовек пребываеши, и память Твоя в род и род» (Пс. 101: 12) и «Не возведи мене в преполовение дней моих: в роде родов лета твоя» (Пс. 101: 24). Но

²⁶ Так, например, в сборнике ТСЛ 758, есть не только «диптих» (л. 196—196 об.), но и Чин погребения (л. 109—120).

²⁷ См., например, в Никоновской летописи: ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 197. Подробнее об этом: *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. С. 123—124.

²⁸ Предположения на этот счет Д. М. Буланина см.: *Буланин Д. М.* О первоисточниках некоторых стихов покаянных. С. 608.

²⁹ Один из примеров превращения тропаря в покаянный стих дает нам Простая псалтырь (РГБ, ф. 37 (собр. Большакова), № 432) XVI в., в которой кафизмы сопровождаются не тропарями и молитвами, а покаянными стихами и молитвами, причем при покаянных стихах везде стоит помета «глас», хотя сам глас не указан. Стихи же всякий раз озаглавлены: «Покаяльны» (л. 37, 54, 98 об.), «Стихи покаяльны» (л. 46, 59, 71 об., 80 об., 86, 96, 119 об.), «Покаяльны стих» (л. 113). Псалтырь Больш. 432, чрезвычайно интересная и своим составом, и своим оформлением, еще практически не изучена, о некоторых ее особенностях см.: *Семячко С. А.* Предисловия к библейским песням : Новые материалы, старые вопросы // *Славянская библия в эпоху раннего книгопечатания : К 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого.* СПб., 2017. С. 39—56.

³⁰ Стих «Множество человеческое...» был распет на 6-й глас, так же как и стих «Наг изыдох на плач сей...», см.: *Ранняя русская лирика : Репертуарный справочник музыкально-поэтических текстов XV—XVII веков / Сост. Л. А. Петрова, Н. С. Серегина.* Л., 1988. С. 133—134.

³¹ Там же. С. 117—119, 287.

через посредство этого стиха устанавливается связь и с Чином погребения, поскольку слова «не возведи мене в преполовение дний моих» читаются и в молитве (нач.: «Владыко Господи Вседержителю и Творче всех, щедрот Отец, и милости Бог, от земли создавый человека, и показавый его по образу Твоему и по подобию...»³²) после тропарей по 17-й кафизме (Пс. 118), играющей особую роль в Чине погребения.³³

Но пусть какие-то детали и ускользали от внимания читателей «Троесложного умиления», в целом текст повести обладал высокой степенью узнаваемости благодаря многочисленным заимствованиям из Чина погребения и переключек с ним. Сколько раз человек за свою жизнь присутствует на похоронах! Сколько раз за свою жизнь православный христианин слышит слова Чина погребения! Автор повести, имея священнический чин, мог неоднократно служить заупокойные службы и безусловно имел Чин погребения в своем Требнике или каком-то ином сборнике. Создавая «Троесложное умиление», он имел перед глазами книгу, поскольку обращался не только к самому чину, но и к текстам, ему сопутствовавшим. Но цитируя и перефразируя все источники, он рассчитывал на узнаваемость текста повести теми, кто неоднократно провожал своих близких в последний путь. И в то же время рассчитывал, что эти узнаваемые слова будут для читателей особенно значимыми, поскольку они обычно звучат в последние моменты пребывания человеческого тела на земле. Думаю, что в этом автор повести не ошибся. Именно узнаваемость и авторитетность текста и обеспечили, на мой взгляд, повести «Троесложное умиление» столь высокую популярность.

---

³² Рукописная традиция молитв, сопровождающих тропари между кафизмами, совершенно не изучена, поэтому сейчас нельзя сказать, когда эта молитва вошла в состав Псалтыри и как широко она распространена.

³³ Хотя сама эта молитва при отпевании не произносится, и набор тропарей в Чине погребения иной. О роли 17-й кафизмы в православном богослужении, и в частности в Чине погребения, см.: *Мецкерский Н. А.* История христианской литургической письменности : Специальный курс лекций. СПб., 2013. С. 216—220.